

Билим Наталья Николаевна

кандидат исторических наук, доцент,
доцент кафедры общеправовых дисциплин
Хабаровского пограничного института
Федеральной службы безопасности
Российской Федерации

**РЕАЛИЗАЦИЯ ГОСУДАРСТВЕННОЙ
МОЛОДЕЖНОЙ ПОЛИТИКИ
В ПРЕДВОЕННЫЙ ПЕРИОД
(НА ПРИМЕРЕ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА)**

Аннотация:

Статья посвящена становлению народного образования на Дальнем Востоке в 20–40-е гг. в контексте государственной молодежной политики. Автор раскрывает особенности преодоления неграмотности и малограмотности среди молодых людей и создания сети учебных заведений в специфических условиях региона. Одной из местных черт была работа по просвещению коренных малочисленных народов Севера, у которых отсутствовала письменность.

Ключевые слова:

Дальний Восток, молодежная политика, молодежь, ликвидация неграмотности и малограмотности, народное образование, всеобуч, клуб, избачитальня, призывники.

Bilim Natalia Nikolayevna

PhD in History, Assistant Professor,
General Legal Subjects Department,
Khabarovsk Border Guard Institute of
the Federal Security Service of
the Russian Federation

**IMPLEMENTATION OF
STATE YOUTH POLICY
DURING THE PREWAR PERIOD
(CASE STUDY OF THE FAR EAST)**

Summary:

The article is concerned with the development of the public education in the Far East in the 1920–1940-s in the context of the state youth policy. The author reveals the features of illiteracy and low literacy elimination among the young people by establishment of a system of educational institutions in the specific conditions of the region. The author considers such a local peculiarity as educational work with the indigenous minorities of the North, who had no written language.

Keywords:

Far East, youth policy, youth, elimination of illiteracy and semi-literacy, public education, general compulsory education, village library and reading room, draftees.

Молодежная политика Советского государства в 20–40-е гг. XX в. представляла собой систему государственных мер по воспитанию подрастающего поколения. Во всех регионах страны реализовывались ее основные направления. Это не была самостоятельная региональная молодежная политика. На местном уровне нормативные акты, принятые центральной властью, становились обязательными для исполнения.

Местные Советы по всей стране осуществляли политику партии и государства. Однако в силу того, что декреты Советской власти медленно доходили до них, они получили право издания нормативных актов. На местах правотворчеством занимались революционные комитеты, местные Советы, исполкомы и их отделы, профсоюзы. Эти нормативные акты заполняли существовавшие в праве пробелы [1, с. 33]. Кроме того, учитывались исторические и иные особенности развития каждой территории, не был исключен и Дальний Восток.

Деятельность региональных партийно-государственных органов по осуществлению основных направлений государственной молодежной политики можно исследовать на примере ликвидации неграмотности и малограмотности молодежи региона. Эти задачи решались в масштабах всей страны. Однако на Дальнем Востоке их осуществление имело свою специфику. Прежде всего, следовало учитывать многонациональный состав региона. Здесь проживали коренные малочисленные народы Севера, у которых не было алфавита; традиционно трудились китайские и корейские рабочие и крестьяне, для которых нужно было печатать учебную литературу на родном языке и открывать специальные школы. Результатом дореволюционной переселенческой политики было значительное число украинцев и белорусов, которым тоже требовались школы и литература на родном языке. По данным Дальревкома на 1 января 1923 г. большинство населения составляли «...великороссы и малороссы, имеются и туземные племена. <...> Есть здесь и китайцы. <...> Помимо китайского населения на ДВ живут и корейцы» [2]. Кроме того, эта территория была включена в состав РСФСР после окончания затяжной Гражданской войны и иностранной интервенции и ликвидации Дальневосточной республики (ДВР). Сказывалась и значительная удаленность региона от центра, что не позволяло оперативно решать многие вопросы.

С момента вхождения региона в состав РСФСР здесь стали действовать ее законы и, следовательно, началась реализация и молодежной политики. Уже 16 ноября 1923 г. Президиум Дальревкома принял постановление № 532 «О введении в действие на территории ДВО всех

действующих законов СССР и РСФСР в полном объеме и об отмене законов бывшего правительства ДВ республики» [3]. Одними из первых в регионе стали применяться конституционные нормы, закреплявшие права молодежи на образование, труд и отдых. Здесь, как и в целом по стране, были две первоочередные задачи: ликвидация неграмотности и малограмотности среди подрастающего поколения и борьба с беспризорностью и безнадзорностью.

На первый план выступала борьба с неграмотностью и малограмотностью молодых людей и создание сети учебных заведений. Этого требовали задачи ускоренного развития региона. Несомненна тесная связь грамотности населения с его общей культурой, умение читать и писать является важным ее элементом. Чем выше грамотность, тем выше культурный уровень населения.

Президиум Дальревкома в октябре 1924 г. изучил состояние грамотности населения в Дальневосточной области (далее – ДВО) (с 1923 по 1926 г.). Был утвержден план работы, представленный Дальневосточным отделом народного образования (далее – ДальОНО) на 1924–1925 гг. Ввиду особой его значимости руководителем областного Бюро «Долой неграмотность» был утвержден председатель Дальревкома Я. Гамарник [4].

Уровень грамотности многонационального населения был разным. Так, по данным 1920 г. среди великороссов было 40,8 % грамотных, украинцев – 33,6 %, белорусов – 32,5 % [5]. Важно было учитывать эту особенность при работе с неграмотной и малограмотной молодежью, поскольку она являлась значительной социальной группой региона. Население Дальневосточного края (далее – ДВК) (с 1926 по 1938 г.) на 1 января 1929 г. составляло 2 099 700 чел. [6, с. 37]. Молодых людей от 15 до 39 лет было 845 800 (23,8 %), из них 23–39 лет – 499 200 чел. В городах проживало 258 700 молодых людей от 15 до 39 лет или 30,9 % всего населения края [7].

В Приморской губернии, самой промышленно развитой территории ДВО, было значительное число китайских и корейских рабочих, традиционно трудившихся на предприятиях и рудниках. В октябре 1923 г. в газете «Красное знамя» появилась заметка с говорящим заголовком «Кто обучит 4 тысячи неграмотных китайцев?». Газета очень остро ставила вопрос о нехватке учителей, которые могли обучать грамоте молодых восточных рабочих. Автор отмечал слабую работу приморского комсомола и Восточного факультета ДВГУ по подготовке преподавателей и предлагал ее активизировать [8].

В 1929 г. во Владивостоке открывается китайская советско-партийная школа для подготовки профсоюзных и партийных специалистов низового звена. В первый год школа приняла 125 слушателей. В учебное заведение поступали рабочие и крестьяне от 19 до 35 лет, имевшие рекомендации партийных и профсоюзных организаций и проявившие себя на партийной, комсомольской и профсоюзной работе [9]. В августе 1936 г. во Владивостоке появилась китайская школа для 250 подростков [10].

В 1920-е гг. на Дальнем Востоке работали и корейские школы. В 1925 г. значительная их часть еще содержалась не за счет местного бюджета, а на деньги корейского населения. Предлагалось сделать эти школы государственными, что и произошло уже в конце 1920-х гг.

Еще одной проблемой начала 1920-х гг., учитывая особенности жизни в регионе, была необходимости сочетать преподавание в школах на корейском языке с изучением русского языка. Для этого недостаточно было 4 лет обучения, корейские школы I ступени следовало перевести на 5-летний курс обучения, кроме того, больше издавать учебников и книг для библиотек на корейском языке [11].

В 1933 г. только в Приморской области ДВК действовало 294 корейские и 2 китайские школы [12].

Много внимания от партийно-государственных органов требовало преодоление образовательной отсталости коренных народов Севера. Большинство их вело кочевой образ жизни, что усложняло эту работу. На первый план выступала просветительская работа в данной среде и, прежде всего, это относилось к молодежи, которая быстрее воспринимала все новое. В декабре 1925 г. по решению Наркомпроса была проверена работа ДальОНО. В отчете указывалось, что проблем в области народного образования в ДВО чрезвычайно много в силу специфики этой территории: слабая связь с центром, разобщенность отдельных частей региона, особые традиции населения и учительства и другое. Особо отмечалось, что «еще не сформировался советский нацмен, так как нет определенных форм по его просвещению» [13].

Просвещение национальных меньшинств рассматривалось отдельно: указывалось, что работа по организации школ-интернатов и созданию культбаз ведется, но ее следует продолжать. В то же время она не всегда успешна из-за отсутствия у многих народов Севера письменности. Поэтому была признана необходимой «постановка перед Академией наук вопроса о письменности для наиболее многочисленных туземцев» [14]. Это содействовало бы их просвещению, что и было успешно решено уже в 1932 г., когда появилась письменность на 14 языках коренных народов Севера. Были изданы и первые учебники на этих языках. Вслед за букварями и учебными

пособиями начался массовый выпуск на национальных языках переводной литературы: политической, производственной, специальной, художественной, детской и другой.

В ходе проверки, осуществленной инспектором Наркомпроса А.А. Лобовым, было обращено внимание на своеобразие развития региона – непродолжительный срок существования Советской власти, тяготение к восточным странам и другое. Однако это серьезно не повлияло на подготовку к всеобщему обучению на Дальнем Востоке. Более значительным недостатком было то, что подготовительная работа не приобрела еще планомерного характера. ДальОНО не занималось вплотную вопросами формирования педагогических кадров, организацией помощи общественных групп в проведении всеобщего. Вместе с тем, была отмечена значительная работа по развитию профессионально-технического образования. Учебно-воспитательная работа в школах заметно улучшилась в сравнении с предшествующим периодом, однако не доставало еще учебных пособий и оборудования. При этом руководством региона было указано на необходимость укрепления педагогических техникумов. Хотя и здесь выявилась серьезная проблема. Было недостаточно учащихся техникумов из-за малого числа стипендий для них, что, по мнению А.А. Лобова, мешало укомплектованию учебных заведений пролетарским и крестьянским составом. Эти молодые люди не могли учиться, так как не имели средств к существованию [15].

По итогам проверки в марте 1926 г. Коллегией ДальОНО был принят план всеобщего начального обучения в ДВК. Он рассматривался как ориентировочный и предусматривал развертывание сети школ I степени к 1927–1928 учебному году, при охвате обучением всех детей школьного возраста. Обязательное 4-летнее обучение в крае всех детей 8–11 лет предполагалось ввести к 1931–1932 учебному году. Особого внимания требовали «переростки», то есть тем, кто не учился в школе по социально-экономическим причинам и по возрасту не подходил к обучению в соответствующих классах. В школы должны были принимать не менее 15 % таких учеников. Кроме того, для них намечалось организовать сеть одногодичных учебных заведений, чтобы ликвидировать их неграмотность до момента введения обязательного начального обучения [16].

В крае развивалась сеть учебных и иных просветительских учреждений, росло число учащихся. Все школы того периода делились на I и II степени по уровню получаемых в них знаний. При этом они составляли единую трудовую школу. Если в 1925–1926 учебном году в регионе работало 1 789 школ I степени (число учащихся – 131 012 чел.) и 24 школы II степени (число учащихся – 10 616 чел.), то в 1927–1928 учебном году школ I степени было уже 2 013 (число учащихся – 132 055 чел.), при том же числе школ II степени (число учащихся – 9 803 чел.) [17].

Несмотря на то, что в крае были некоторые успехи по просвещению молодежи, все же этого было недостаточно для его успешного развития. Кроме того, не все должностные лица ответственно относились к решению поставленных задач. К 1939 г., согласно результатам переписи населения, неграмотность среди молодежи в основном была ликвидирована. Однако в декабре 1940 г. исполнительный комитет краевого Совета депутатов трудящихся (Крайисполком) отмечал, что постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 16 января 1936 г. об обучении неграмотных и малограмотных все же не выполнялось многими исполкомами областных, городских и районных Советов и отделами народного образования. В крае среди взрослого населения было свыше 66 тыс. чел. неграмотными [18].

Краевой отдел народного образования (КрайОНО) неудовлетворительно боролся с неграмотностью и малограмотностью, зачастую вместо деловой работы занимаясь «лишь декларацией, руководя этой работой, “вообще” не зная действительного положения дел в областях, городах и районах» [19]. Более того, из-за бездеятельности органов народного образования преступно расходовались средства. Так, например, в Благовещенском районе Амурской области в 1940 г. на обучение 7 неграмотных было израсходовано 10 тыс. руб., в некоторых районах они уходили вообще на другие цели [20]. Руководители недооценивали роль профсоюзов и политпросветучреждений, поэтому избы-читальни, клубы, красные уголки почти не участвовали в просветительской работе. Мало привлекались к ней местная интеллигенция и культурмейцы, руководители ориентировались лишь на специально освобожденных учителей. Было принято к сведению заявление и.о. зав. КрайОНО тов. Рябкова, что отделом разработан план завершения ликвидации неграмотности и малограмотности, по которому в 1940 г. планировалось обучить 7 000 чел., в 1941 г. – 29 240 чел., в 1942 г. – 30 550 чел. Предполагалось привлечь к работе учителей, сельскую интеллигенцию, учащихся-старшеклассников, культурмейцев [21]. Крайпотребсоюз обязали к 1 января 1941 г. обеспечить школы освещением и письменными принадлежностями, а исполкомы областных городских и районных Советов восстановить должность инспектора по ликвидации неграмотности и малограмотности [22].

Внимания требовало и обучение неграмотных и малограмотных призывников, так как в большинстве это были сельские жители. Так, 25 июля 1940 г. Хабаровский крайисполком рассмотрел вопрос «О состоянии работы по обучению неграмотных и малограмотных призывников

1920–1921 гг. рождения в Хабаровском крае». В решении констатировалось, что работа с неграмотными и малограмотными призывниками проводилась неудовлетворительно. Отделы народного образования региона не обеспечили полную ликвидацию неграмотности и малограмотности среди этой категории молодежи. Было выявлено 5,4 % неграмотных и 16,1 % малограмотных призывников по краю; 65 неграмотных и 624 малограмотных в Камчатской области; 176 малограмотных в Нижне-Амурской области [23]. Крайисполком обязал обучить обе категории призывников до 1 августа 1940 г., обеспечив их оборудованными помещениями для учебных занятий [24]. Особо было выделено обучение неграмотных и малограмотных призывников северных национальностей. Председателям Камчатского, Сахалинского и Нижне-Амурского областных исполкомов, Нанайского, Кур-Урмийского, Комсомольского районных исполкомов разрешалось создавать «специальные районные школы по обучению неграмотных и малограмотных призывников северных национальностей с отрывом от производства», выделяя для этого средства из местного бюджета [25]. До 1 августа областные, районные и городские исполкомы должны были укомплектовать школы призывников лучшими учителями, при этом «особое внимание обратить на контроль за качеством обучения» [26]. Руководителей КрайОНО (тов. Костилов), Когиза (тов. Либерман) и Крайпотребсоюза (тов. Морозов) обязали обеспечить учащихся учебниками, тетрадями и учебно-наглядными пособиями [27]. Для контроля за исполнением принятого решения до 25 августа предполагалось заслушать на заседании Крайисполкома председателя Амурского облисполкома тов. Чижова, председателя Хабаровского горисполкома тов. Пашкевича, заведующего КрайОНО тов. Костилова. Было принято решение в январе 1941 г. вернуться к этому вопросу и на заседании Крайисполкома заслушать сообщения о выполнении поручений. Однако с началом Великой Отечественной войны все это отошло на второй план. К этим проблемам вернулись в первые послевоенные годы.

Из общей численности населения Хабаровского и Приморского краев, по переписи 1939 г. в 2 366 534 чел., молодые люди 12–29 лет составляли 1 012 344 чел. [28]. Если уровень грамотности населения Дальнего Востока в возрасте 9–49 лет в 1926 г. составлял 65,5 % по Приморскому краю и 65,2 % по Хабаровскому краю, то в 1939 г. – 92,3 и 91,4 % соответственно. Показатели были одними из самых высоких по стране. Данные по СССР были следующими: 1926 г. – 56,6 % грамотных, 1939 г. – 89,1 % [29]. Это позволяет сделать вывод о том, что деятельность партийно-государственных органов, общественных организаций по ликвидации неграмотности и малограмотности среди молодежи на Дальнем Востоке давала ощутимый результат.

Ссылки:

1. Источники российского права. Вопросы теории и истории: учеб. пособие. М., 2009. 336 с.
2. РГИА ДВ. Ф. Р-2422. Оп. 1. Д. 1049. Л. 4, 6, 7.
3. Там же. Д. 140. Л. 1 об.
4. Там же. Д. 474. Л. 2.
5. ГАХК. Ф. 719. Оп. 27. Д. 3. Л. 110.
6. Дальневосточный край в цифрах. Хабаровск, 1929. 100 с.
7. Там же. С. 37.
8. Красное знамя. 1929. 5 октября.
9. Там же. 10 сентября.
10. Там же. 1936. 1 августа.
11. РГИА ДВ. Ф. Р-2422. Оп. 1. Д. 474. Л. 27 об.
12. ГАПК. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 93. Л. 19.
13. РГИА ДВ. Ф. Р-2422. Оп. 1. Д. 474. Л. 21.
14. Там же. Л. 27.
15. Там же. Л. 15, 22, 22 об, 26 об.
16. РГИА ДВ. Ф. Р-2422. Оп. 1. Д. 140. Л. 73, 74.
17. Дальневосточный край в цифрах. С. 52–53.
18. ГАХК. Ф. 137. Оп. 4. Д. 553. Л. 247.
19. Там же.
20. Там же.
21. Там же. Л. 248.
22. Там же. Л. 249.
23. Там же. Л. 51.
24. Там же.
25. Там же.
26. Там же. Л. 52.
27. Там же.
28. Всесоюзная перепись населения 1939. Основные итоги. М., 1992. С. 23, 29, 30.
29. Там же. С. 40.

References:

1. *Sources of Russian law. Problems in the theory and history studies: manual* 2009, Moscow, 336 p.

2. *RSHA ET*, f. r-2422, op. 1, d. 1049, l. 4, 6, 7.
3. *RSHA ET*, f. r-2422, op. 1, d. 140, l. 1 ob.
4. *RSHA ET*, f. r-2422, op. 1, d. 474, l. 2.
5. *SJSHC*, f. 719, op. 27, d. 3, l. 110.
6. *Far East region in figures 1929*, Khabarovsk, 100 p.
7. *Far East region in figures 1929*, Khabarovsk, p. 37.
8. *Red banner 1929*, October 5.
9. *Red banner 1929*, September 10.
10. *Red banner 1936*, August 1.
11. *RSHA ET*, f. r-2422, op. 1, d. 474, l. 27 ob.
12. *GAPK*, f. p-1, op. 1, d. 93, l. 19.
13. *RSHA ET*, f. r-2422, op. 1, d. 474, l. 21.
14. *RSHA ET*, f. r-2422, op. 1, d. 474, l. 27.
15. *RSHA ET*, f. r-2422, op. 1, d. 474, l. 15, 22, 22 ob., 26 ob.
16. *RSHA ET*, f. r-2422, op. 1, d. 140, l. 73, 74.
17. *Far East region in figures 1929*, Khabarovsk, p. 52-53.
18. *SJSHC*, f. 137, op. 4, d. 553, l. 247.
19. *SJSHC*, f. 137, op. 4, d. 553, l. 247.
20. *SJSHC*, f. 137, op. 4, d. 553, l. 247.
21. *SJSHC*, f. 137, op. 4, d. 553, l. 248.
22. *SJSHC*, f. 137, op. 4, d. 553, l. 249.
23. *SJSHC*, f. 137, op. 4, d. 553, l. 51.
24. *SJSHC*, f. 137, op. 4, d. 553, l. 51.
25. *SJSHC*, f. 137, op. 4, d. 553, l. 51.
26. *SJSHC*, f. 137, op. 4, d. 553, l. 52.
27. *SJSHC*, f. 137, op. 4, d. 553, l. 52.
28. *All-Union Population Census of 1939. Main outcomes 1992*, Moscow, p. 23, 29, 30.
29. *All-Union Population Census of 1939. Main outcomes 1992*, Moscow, p. 40.